

Бриттани Сонненберг

Бриттани Сонненберг

Дорога домой

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Coe)-44
С62

Серия «Сенсация»

Brittani Sonnenberg
HOME LEAVE

Перевод с английского Е.В. Дод

Компьютерный дизайн А.И. Орловой

Печатается с разрешения
Union Literary и Van Lear Agency LLC.

Сонненберг, Бриттани

С62 Дорога домой : [роман] / Бриттани Сонненберг; пер. с англ. Е.В. Дод. — Москва: АСТ, 2014. — 286, [2] с. — (Сенсация).

ISBN 978-5-17-081500-5

Крис Кригстайн, преуспевающий специалист международной компании, осуществил свою мечту: вырвавшись из скуки и уныния американской глубинки, теперь «по долгу службы» он переезжает из одной страны в другую.

Но счастлива ли его семья, неотрывно следующая за ним?

Жена Элиз вынуждена каждый раз начинать все с нуля то в туманном Лондоне, то в шумном Гамбурге, то в жарком Шанхае, то в ярком Таиланде...

Их дочери, Ли и Софи, каждое лето ждут поездки в Штаты как возвращения домой, но оказывается, там у них уже нет дома...

Каково это — одновременно быть дома везде и нигде? Что можно обрести и потерять, раз за разом пересекая часовые пояса, сидя в аэропортах один на один со своим одиночеством, своими страхами и надеждами?..

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Coe)-44

© Brittani Sonnenberg, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Посвящается Карен и Стиву Сонненбергам

Цель поездки домой заключается в том, чтобы люди, работающие за границей по найму и живущие там продолжительное время, регулярно проходили переориентацию и возобновляли контакт с обществом в Соединенных Штатах.

Госдепартамент США

*Опреди расставание, будто оно позади,
подобно зиме, что проходит как раз.
Ибо за этой зимою — такая зима без конца,
что просто ее пережить — для сердца победа.*

Райнер Мария Рильке.
Сонеты к Орфею

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Аркадия-авеню, 1116

Видалия, штат Миссисипи

Жарким днем знойного, как июль, октября 1977 года Элиз Эберт позвонила в нашу дверь, чтобы повидаться со своей мамой и со мной. Она отсутствовала пять долгих лет. От выражения ее лица, источавшего ледяной холод, меня бросило в дрожь. А может, виной тому была пронзительная трель звонка — в Видалии все обычно стучали или сразу входили, предварительно стукнув из вежливости в окно. Где это слыхано, чтобы ты звонил в собственный дом? Но я был настолько взволнован встречей с Элиз, что не обратил внимания на ее необычное поведение и свое внутреннее ощущение, такое же, как десять лет назад во время единственного зарегистрированного в Видалии землетрясения. Большинство моих друзей постарше могут припомнить похожие случаи неустойчивости или расстройств и депрессии, последовавшие за осознанием официального списания со счетов. Я не понял, что радоваться нечему. Моя лучшая подруга, живущая в этом же квартале — Аркадия-авеню, 1118, — которую я зову просто Каро, всегда говорила, что я неисправимый оптимист.

В голове билась единственная мысль: «Элиз вернулась». Когда ты только построен, никто не скажет тебе, что самые юные твои обитатели однажды бросят тебя в поисках нового жилища. Я, разумеется, слышал о смертях; на моих глазах выросли дети Эбертов, да и сами Чарлз и Ада состарились, а на мне тем временем облупилась краска и линолеум потрескался. Но я был достаточно наивен, чтобы верить, будто смогу защитить всех шестерых, пока они ходят по земле. Если бы так.

Благодаря неожиданному приезду Элиз я поначалу почувствовал себя как новенький, словно после визита энергично орудовавшей пылесосом Бесси Стипс, которую Ада всегда приглашала для уборки перед вечеринками. Бесси воспринимала пыль в качестве богословской проблемы, явившего себя дьявола, и посчитала свои убеждения подтвержденными, когда в середине восьмидесятых в «Кей-марте» стали продавать пылесосы «Дерт дивил»*.

Когда в тот день я увидел Элиз, из меня словно высали всю печаль и до блеска натерли поверхности. Однако Ада так и не поняла, что Бесси Стипс воровала. Только тридцать лет спустя, когда Ада в последний раз вышла прихрамывая из моей боковой двери, меня осенило, что именно возвращение Элиз в тот горячий осенний день ускорило окончательное переселение ее мамы и мое запустение.

К тому времени остаток клана Эбертов покинул меня по собственному желанию, кроме Чарлза, который в

---

* Перевод названия этого пылесоса — «durt devil» — вполне безобиден: «грязевой вихрь», по аналогии с устойчивым выражением «dust devil», то есть пылевой или песчаный вихрь, просто в названии присутствует слово «devil» — дьявол. — *Здесь и далее примеч. пер.*

шестьдесят лет упал замертво на дорожке в боулинге, так и не узнав, удался ли ему последний бросок (не удался). В отсутствие Элиз, которая могла бы перевезти ее в дом престарелых, Ада осталась на месте — ни у кого из других детей не хватило ни ума, ни сил жить с чувством вины, лишаящим их сна.

Чувство вины: занято, не правда ли? Чтобы Элиз ощутила вину после всего, что было между ней и Адой? Скорее Элиз засунула Аду в дом престарелых, дабы поквитаться. Но в тот день, когда она тащила свою маму в машину, удовлетворения на ее лице не было. На лицах обеих застыло одинаковое выражение — долготерпения, уныния, исполнения долга, мученичества женщин-южанок.

Вам придется извинить мой внешний вид. Минувшим вечером прошел сильный дождь, а это всегда плохо сказывается на зданиях в моем состоянии. Во дни моей молодости после ночного дождя я выглядел в утреннем солнце как новенький, и Чарлз, направляясь на работу, иногда останавливал свой автомобиль на подъездной дорожке, выходил и окидывал меня взглядом: свое сверкающее жилище, свои призовые азалии, свою спящую за стенами семью. С легкой, сдержанной улыбкой, свидетельствующей о его счастье, Чарлз возвращался в машину и с гордостью ехал в свой стоматологический кабинет. Лишь в эти моменты я и чувствовал свою близость с Чарлзом и изо всех сил старался выглядеть в его глазах внушительным и дорогим. Нам трудно: девушка может забежать в дамскую комнату, подкрасить губы и слегка нарумяниться. Мы же можем только ждать, пока наши владельцы пожелают потрудиться в субботу и освежить снаружи наши стены или полить клумбы. Пока Чарлз был жив, он поддерживал меня в хорошем состоянии, надо отдать ему

должное — такие, как он, по выходным предпочитают заниматься домом и садом, а не лежать в гамаке.

Годы взяли свое. В 1960-м, когда меня построили, моя планировка в стиле ранчо радовала глаз, как и теплый оттенок красного кирпича и современный навес для автомобиля. Я был крепостью, защищавшей от всего на свете. И от непогоды, и от змей, ползавших по оврагу. Я не пускал внутрь маленькие, сводящие с ума создания, например, комаров, защитившись антмоскитными сетками боковой застекленной веранды, которой обзавелся в конце семидесятых, примерно через год после возвращения Элиз. Тогда-то я и подумал, что в меня вдохнут вторую жизнь. Но нет, это оказалось последним вздохом перед медленным угасанием, как у сегодняшней американской экономики. Какой там к черту рост. Прищурившись, я по-прежнему могу прочесть заголовки в газетах, которые каждый день в семь утра швыряют на дорожки соседних домов. На бетон моей дорожки уже много лет не падала ни одна.

Я не упомянул о настоящей причине, приведшей к моему строительству, самой замалчиваемой из всех мотиваций: бегство белых*. Хотя это и грубый термин, который я предпочитаю не употреблять. В конце концов, если бы не панические взгляды и участвовавший пульс славных представителей верхушки среднего класса Видалии, штат Миссисипи, за которыми последовали решительные раз-

---

* Имеется в виду массовая миграция белых представителей среднего класса из крупных городов. Обусловлена прежде всего боязнью переселения афроамериканцев и представителей других этнических меньшинств в традиционно «белые» районы, вследствие чего могли возникнуть рост преступности и экологические проблемы.

говоры и тяжкие вздохи после постановления об интеграции* — когда сами знаете кто начал переезжать на Главную улицу, — я бы здесь сегодня не стоял.

Наблюдение за теми, кто не идет на ужин, всецело занимало жителей этого городка, поэтому они переместили свои обеденные столы и хрупкий фарфор на вершину единственного в Видалии холма, покидая центр города, словно жители Атланты перед приходом Шермана**.

Они отказались от томных, благоухающих жасмином южных террас, фотографии которых могли бы украсить обложку «Веранды», ради более современного внешнего вида: ради меня. Не умаляя собственного достоинства — непривлекательная, на мой взгляд, тенденция, — я первый признаю, что продаваемые почти за бесценок дома были классом выше, чем моя приземистая кирпичная конструкция.

Большая часть Главной улицы теперь приходит в упадок, отданная на откуп бедности — хотя мои бывшие владельцы и их друзья винили скорее невежество новых жильцов, которые «просто не знают, как правильно заботиться о вещах». Что ж, поскольку мой упадок начался, когда моя белая, как рис, хозяйка Ада, упокой, Господь, ее душу, была еще жива, думаю, я имею право сказать: это обязательно случается, если обитатели, белые или черные, впадают в печаль, которая, словно летаргическим сном, сковывает их разум — исконно южное «ну и ладно»

---

* Унификация систем образования, ранее основанных на расовой сегрегации учащихся, то есть на раздельном обучении белых и чернокожих школьников.

** Эпизод Гражданской войны в США. Летом 1864 года армия северян под командованием генерала У.Т. Шермана вела битву за Атланту, которую и взяла к началу сентября того же года. Большинство жителей покинуло город, который почти полностью был сожжен в ноябре по приказу Шермана.

оказывается сильнее присущего янки «можно сделать». Подобная усталость поработает душу быстрее, чем зарастает сорняками площадка для автомобиля.

А иначе, по-вашему, почему я порос плесенью, почему сосновые иглы забили мои водосточные желоба, а сыр пармезан, купленный в 1995 году, лежит в моем холодильнике, хотя на дворе 2002-й? А все потому, что Ада, матриарх этой семьи, сама переживала не слишком-то легкий период в прямом противоречии с книгами мисс Мэннерс*, указаниям которых она следовала строже, чем Библии, с того времени, как была юной невестой. После своего первого возвращения Элиз изредка заглядывала и настаивала на ремонте, но Ада просто не обращала на это внимания. То есть я хочу сказать, что это не зависит от расы обитателей, как стараются вас убедить. Эти обветшалые дома, принадлежащие теперь чернокожим жителям Видалии, выглядят так потому, что единственными в округе заведениями, не дающими экономике умереть, являются тюрьма штата, супермаркет «Пиггли-Уигли», универмаг «Почти даром» и магазин все по доллару.

Мне не всегда была свойственна такая непредвзятость. Но по мере приближения смерти я обнаруживаю, что приближается и ясность. Это пугает и завораживает. Я знаю, что так было и с Адой, поскольку слышал ее бормотание и улавливал откровения, от которых едва не рассыпались мои кирпичи. Она не причесывалась и не подбирала почту (нанося мне тем самым личное оскорбление), но лишь потому, что была занята. Видела и чувствовала то, что больше не могла заглушить, как бы гром-

---

* Дословно «мисс Манеры», псевдоним Джудит Мартин (р. 1938) — американской журналистки, писательницы и авторитета в области этикета, автора книг-руководств по поведению на все случаи жизни.

ко ни включала телевизор или сколько бы бокалов сови-
ньон блан ни выпивала, тем самым пытаюсь утешить себя,
несмотря на запрет врача. Элиз не выносила пьяного го-
лоса Ады по телефону.

«Мама, у тебя язык заплетается», — говорила она.

Но Ада впервые позволила себе посмотреть правде в
глаза, и та до чертиков ее напугала. Я пытался сделать по-
душки помягче и заставлял окна пропускать только лег-
кий сумеречный свет, но невозможно отрицать, что Ада
спустилась в долину теней еще до того, как Элиз увезла ее
в «Белые фронтоны». Я видел брошюрку — ужасный вид.
Никаких белых фронтонов нет и в помине. Моя Ада.

Забавное дело — забираться на холм, чтобы защитить
себя. Все дети Ады сопротивлялись этому, указывая, что
даже Додж, более сильный из мальчиков, не сможет под-
няться туда на велосипеде. Айви, малышка, всего-то и
делала два шага вверх от подножия холма, а потом при-
нималась плакать, пока кто-нибудь не брал ее на руки.
Но я хочу сказать — для чего обрекать себя на бегство,
если самая большая проблема все равно остается с тобой?
С таким же успехом можно обзавестись большой старой
картонной коробкой, на которой написать большими
красными буквами: ПРОБЛЕМЫ. Наверняка в первые
несколько недель настроение могли улучшить запах све-
жей краски и двери, которые не скрипели, но ко второму
месяцу все проблемы, как и мебель, оказались на месте.

Я тоже был одурачен. Меня только что построили, они
стали моими первыми обитателями, моей семьей, как я
думал, и потому немедленно влюбился. «Период медового
месяца», — шипели соседние дома (кроме Каро, которая
просто меня пожалела), но я им не верил. Пока не услы-
шал плач среди ночи и молчание за обеденным столом,

куда более вязкое, чем запеканка, которую одолевала Ада.

«Разумеется, у всех домов есть свои проблемы», — сообщила мне Каро. (Каро на несколько лет меня старше, как и все другие на этой улице, но выглядит она куда лучше, чем я.) Мы с Каро всегда полагались друг на друга, когда дела шли плохо. Самое тяжелое для дома — это невозможность остановить происходящее внутри. Ты являешься всего лишь свидетелем. Сколько раз я жалел, что не в силах, шевельнувшись, опрокинуть книжные полки на Папса — отца Ады, слабого и злющего из-за своей слабости, тень которого накрыла двух ее девочек и заставила его внушек бояться ночей.

Можете вообразить себе эту пытку? Призванный быть защитой, но укрывающий от дождя самого дьявола? Я имею в виду не только старика. Просто говорю об отраве, которая расползлась и расползлась, более ядовитая, чем асбест. В самые худшие времена я желал для себя потопа или пожара, чтобы ничего больше не видеть, а значит, по-своему, не одобрять. Именно в моих углах старикашка караулил своих жертв. Это происходило в моем неосвещенном кабинете в сумерках, когда в гостиной громко работал телевизор, и поэтому братья Элиз слышали только Хитрого Койота, а не ее плач, который она пыталась сдерживать. Папс не убирался прочь, довольный до тошноты.

Я лишь пытался обдуть успокаивающим ветерком ребенка, который не мог уснуть, или с помощью сквозняка помешать старику уютно дремать в кресле, никогда не зная, возымели мои усилия реальное действие или нет.

Судя по тому, что мне известно о людях, их вера в Бога коренится в отчаянной жажде иметь любящего свидетеля. Как любящий свидетель, я всегда страстно желал выразить это физически. Например: в детстве у Элиз было

любимое место для игры в куклы, за шторами в родительской спальне, как будто она сидела под юбкой великанши. И в те моменты (хотя Каро настаивает на чистой воды суеверии, пренебрежительно относя это к моей «эзотеричности») я сдерживал падавшее на Элиз солнце, делая его мягким и нежным, словно вода в ванне — теплая, но не слишком горячая. Я свободно расправлял складки штор вокруг фигурки девочки, чтобы, войдя, никто не мог ее там заметить. Разумеется, у меня нет доказательств, что я обладаю такой силой. У людей имеется только одно слово для подобного рода странностей: привидения. Они полагают, что захлопнувшаяся дверь или порыв ветра в тихий день сигнализируют о появлении душ давно умерших. Они никогда не задумываются, что сами дома отвечают им, страстно желая показать свою симпатию.

Живя под моей крышей, Элиз надеялась, что кто-то услышит ее молитвы; я уповал, что мои отклики проявятся в звуке или хотя бы в свете, присутствии. Не то чтобы я считал себя божеством. Каро говорит, что это наш дар — быть молчаливыми, неподвижными (но не бесчувственными) свидетелями. Я отказываюсь от такого беспомощного представления о любви.

Или взять ненависть. Ужасен момент, когда вдруг осознаёшь, что помимо людей, которых любишь, есть те, которых ты ненавидишь. Некоторые дома начинают ненавидеть вместе со своими полными ненависти жильцами, потому что, встав на их сторону, меньше страдаешь. Но тогда ты принимаешь заброшенный вид, даже если все обитатели дома и заботятся о тебе.

Помню, однажды Элиз попробовала убежать, когда ее дед и бабушка приехали в гости. Я наблюдал, как она аккуратно укладывала одежду в сумку, с которой уходила ночевать к подружкам, и даже почему-то взяла с собой сборник